

В ТАРТУ, в «Ванемуйне», я всегда еду с предвкушением увидеть что-нибудь чрезвычайно интересное. Это предвкушение основано на долгих годах знакомства с театром: когда приезжаешь смотреть новые спектакли, редко оказывается, чтобы ни один не привлёк внимания остротой и необычностью решения, поиском новых средств выразительности или ясностью, чёткостью и масштабностью режиссуры.

Разные, очень разные режиссеры работают в «Ванемуйне», у всех у них свой почерк, своя манера. Невозможно спутать спектакли, поставленные руководителем театра народным артистом СССР Каарелом Ирдом с постановками Эпп Кайду, или спектакли молодых Эвальда Хермакюла и Яана Тооминга. Они отличаются друг от друга так же, как сами постановщики, и каждый несет на себе печать своего творца.

О театре Каарела Ирда написано много статей и книг, сам главный режиссер выпустил две книги, которые позволяют познакомиться с его творческой лабораторией, с атмосферой «Ванемуйне» (вторая книга — «Размышления о театре» — появилась на прилавках не так давно). Поэтому мы не будем уточнять, какой театр «Ванемуйне» — синтетический или театр-комбинат, не будем рассуждать о его роли и месте в сегодняшней театральной жизни республики и страны, а просто попытаемся рассказать о днях и вечерах театра «Ванемуйне».

Начнем с того, что уже несколько лет театр «Ванемуйне» имеет возможность работать сразу на трех площадках: в большом (новом) здании, в малом (старом) и в концертном зале, который находится в здании театра. Нужно ли говорить о том, какие это открывает возможности! Правда, концертный зал используется редко, а на двух сценах работают с полной нагрузкой. В малом зале, как правило, ставятся детские спектакли и экспериментальные постановки.

БОЛЬШОЙ ЗАЛ

В те дни, когда я была в Тарту, по утрам большой зал был отдан балетной труппе. Шли последние репетиции нового эстонского балета «Морская дева», написанного композитором Ало Пылдымаэ по мотивам одноименного произведения Фридриха Шлегеля. Постановщик спектакля — заслуженный артист ЭССР, лауреат премии комсомола Эстонии Юло Вилимаа.

В любом театре вам скажут, что последние репетиции — самые трудные; всегда на что-то не хватает вре-

мени, что-то в последнюю минуту переделывается, чего-то нет, что-то лишнее.

Юло Вилимаа сам танцует в спектакле, поэтому режиссерские указания следуют и со сцены, и из зрительного зала, смотря по тому, где он в этот момент находится. На этой репетиции его даже не столько интересует чистота танца, сколько... свет. «Ставить свет» — это значит, что спектакль уже почти готов, что нанесены последние важнейшие штрихи. А в спектаклях Юло Вилимаа световая партитура обычно

играет огромную роль в общем решении спектакля. — Опять не то, — спокойно говорит Юло. — Давненька попробуем сделать так... Для всех работ Юло Вилимаа характерна тщательная отделка общей сценической картины. В его спектаклях уделяется внимание не только танцевальной выразительности (это само собой разумеется), но и общему художественному решению в самых мелких деталях его. Оттенки света на сцене для Вилимаа приобретают такое же значение, как нюансы пластики человеческого тела. Поэтому столь тщательно, иногда даже мучительно для артистов, которым по многу раз приходится повторять одно и то же, ставит он свет. Но вот все попробовано, обговорено, и вновь на сцену «вытаскивают сетью» прекрасную Морскую деву, и вновь:

— Опять не так. Повторим световой переход. Музыка — с этого места прошу... Через несколько дней — премьеры.

Она ведет репетицию очень спокойно, можно даже подумать, что она просто смотрит, что делают актеры, смеется в смешных местах и ни во что не вмешивается. Но редкие его замечания доказывают как раз обратное.

В те дни расписание малого зала было таким: с 11 утра Эвальд Хермакюла репетировал «Похождение brave солдата Швейка», с 4-х — он репетировал «Приключения Буратино», а вечером шли спектакли.

Сначала сцена была рабочей, полностью открытой; на ней стояла деревянная изба, из детского спектакля, на задней каменной стене висели какие-то пучки разно-

цветных веревок, а актеры деловито таскали мебель. — Значит, так: дом — с этой стороны (ставится кушетка, круглый стол, кресло-качалка). Потом опустился полукруглый белый задник, исчезла прозаическая таинственность кулис и «кармадон», и началась репетиция. Это еще только самое начало работы над спектаклем: актеры ходят с ролями в руках — читают.

Два прожектора по бокам сцены заливают и пустой зрительный зал, с креслами, прикрытыми белыми чехлами, светлые сцены отражают свет, и в призрачно белом полукруглом зале мечется по стенам огромная тень расхаживающего за креслами режиссера Эвальда Хермакюла.

Он ведет репетицию очень спокойно, можно даже подумать, что он просто смотрит, что делают актеры, смеется в смешных местах и ни во что не вмешивается. Но редкие его замечания доказывают как раз обратное.

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

МАЛЫЙ ЗАЛ

Атмосфера на репетиции царит самая деловая, никаких лишних слов, реплики только по делу. Все обговорено заранее, когда шли так называемые «застольные репетиции». Сегодня — первый

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

На этот раз именно вечер в концертном зале был тем самым сюрпризом, которого

свое в андреевском спектакле «Тот, кто получает пощечины»). Будущее покажет, новый это путь или «разведка», поиски нового подхода к решению вечных вопросов бытия и театра: каков человек? Что есть любовь его? Что есть вера его?

данном случае приближениями и натяжками, я бы определила, жанр «Мушкетеры» как своеобразный бурлеск, чтобы дать хотя бы минимальное представление о тех принципах, на которых строится спектакль: благородный стиль изложения театрально пародируется, сюжет изысканной, легкой, развлекательной книги даст материал для серьезных размышлений.

Мне кажется, не зря взяты именно «Три мушкетера» — на основе знакомого каждому с детства романа драматург и режиссер получали воз-

можность по-иному взглянуть на вещи, ставшие не только привычными, но воспринимавшиеся прямо-таки целыми блоками: мушкетеры — благородные герои со всеми вытекающими из этого последствиями (блок); дуэль — дело чести (блок); война в то время — массовая увеселительная прогулка с пистолетами (блок) и так далее.

Освальд и Яан Тооминги совсем не собираются развенчивать неунывающих героев Дюма — они просто посмотрели на описываемые события с другой стороны. И кровь, легко и щедро — по имени чести! — льющаяся почти на каждой странице романа, они воспринимают как людскую кровь, и войну, столь увлекательно описанную Дюма, — как войну, и артистичные дуэли — как дуэли, на которых убивают и умирают. Целую цепь ассоциаций влечет за собой такой угол зрения — и ассоциации эти материализуются в спектакле: тут и злопение, проходящее через весь спектакль фигуры вечной жертвы и па-

лача, и массовые расстрелы и убийства из-за угла. Трагические акценты расставлены по всему спектаклю, ставятся тем самым фоном и действующим лицом представления. Но это все же бурлеск, и на первом плане — бесшабашная лихость пародии. В этом спектакле перемешаны все «штиль» — от самого высокого до самого низкого. И все продлевается актерами на полной отдаче (особо хочется отметить игру Вяйно Уйбо).

Спектакль этот строится на резких, грубо подчеркнутых контрастах, все в нем круто замешано и жестко решается. Стихия карнавальной игры уступает место полному трагизму, а он, в свою очередь, сменяется откровенной пародией. Этот сложный и жесткий — при всей своей размашистости — спектакль говорит со зрителями о самом важном — о судьбе человека и человечества, о доброте и жестокости, о смысле жизни и ответственности каждого человека за каждую жизнь.

Единственно, что хотелось бы пожелать, — это большей точности и строгости в некоторых эпизодах (так, например, явно затлут тень «святого»). Чувство меры необходимо даже такому «впечатльному» спектаклю, а увлеченность и увлеченность режиссера иногда нарушают ее.

В активе «Ванемуйне» появился еще один сильный, с выходом в открытую публицистичность спектакль.

Этери КЕКЕЛИДЗЕ.

«ВАНЕМУЙНЕ»: ДНИ И ВЕЧЕРА

СОЗВЕЗДИЕ
МУЗ